

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

В Самарской области практически завершена посевная кампания. Общая площадь ярового сева в области составила в этом году 1,4 млн га. Яровые зерновые и зернобобовые культуры размещены на площади более 750 тыс. га.

ЗА РОССИЮ ДУШУ В КЛОЧЬЯ РАЗОРВАТЬ

Константин Рассадин: «По-земному жизнь отканилеть...»

Я ЖИВ ЕЩЕ

В гости к Рассадину в этот воскресный день пришли руководитель департамента культуры мэрии Надежда Булюкина, его давнишний соратник по перу Александр Воронцов, товарищ по литературе Эдуард Анашкин, материализовавшийся прямо из стихов о нем самом верный друг поэта Олег Портнягин и вся большая рассадинская рать местных авторов, присягнувшая на верность его литературному братству.

Костя скромно выслушивал хорошие слова и лишь иногда иронично улыбался им в ответ. «Ребята, я еще жив», - говорил он, останавливая дифирамбы и прячась за букетами подаренной, вовремя расцветшей сирени. Вот таким он и получился на моем снимке - скромный поэт-именинник в глубине кадра - и радостные поэты и красавицы-поэтессы из «наших» у микрофона. Соратники легко приняли из рук именинника его бесценный подарок - возможность почитать для публики собственные стихи. Так что Костиных трогательных, честных, правдивых, самобытных, неповторимых стихов на этом празднике мне все же немного не хватило.

Но таков уж Костя как всегда: делиться всем, в том числе и драгоценным временем своим, его научили еще в детском доме. Такие уроки запоминаются на всю

жизнь. Росток Костык Рассадина был наказан детдомовским начальством и строго заключен в «счастливую тюрьму» на перевоспитание. Его закрыли в библиотеке, чтобы мальчишка успел обдумать собственные шалости и проказы. И этому факту и встрече с первым томиком Сергея Есенина Константин благодарен до сих пор.

Впрочем, «трудным» он быть не перестал:

По какой-то прихоти житейской,
По забавной сотне пустяков
Отношусь я к знатному семейству
Самых древних русских дурачков.
Дом построю, а затем разрушу,
По миру пушу отца и мать,
Лишь бы дали скомканную душу
За Россию в клочья разорвать.
Полыхаю рожей кумачово...
Пьян-не пьян - свободой напои!
Где вы там, Емельки Пугачевы,
Стеньки безобРазины мои?

И все же «скомканная душа» не только страдает. Она частенько питает счастьем простого раскудрявого русского парня, который так же искренне и просто может раздарить это счастье без разбору каждому, кто взял в руки его книжку или альманах:

Может быть, на сотню тысяч

ТРУДНЫЙ КОСТЯ

Когда-то,
сотни стихов
тому назад,
трудный под-

Что, в сосцы державы тычась,
Занят глупостью пустой.
Беспросветным недотепой
В нищете творить стихи,
Чтоб опять слезою теплой
Муки творчества текли.

Тараторить - спасу нету! -
Будто радио во рту.

Кто придумал счастье это,
Тараторщину таку?

Я ни в чем не виноватый,
Я в стране - не вор, не тать...
Чтоб себя не слышать,

Ватой стану уши затыкать.

Рядом с этим хулиганским и беспросветным тараторным счастьем - ироничное недоверие к самому близкому для себя поэту - Косте Рассадину, который хоть и трудно, но весьма плодотворно дожил до творческих седин.

ОБ ЭТОМ ПИШЕТСЯ

Да, Константину Рассадину досталось не самое простое житье-бытье. Его сердечные и честные «стенки безобРазины» и сегодня не ждут лучших времен.

«До лучших можно и не дожить. Я не отношу себя к писателям, которые всеми силами хотят вписаться в это время, хотят успеть побыть модными. Я как принадлежал к старой классической школе, так и принадлежу. Просто обостренно воспринимаю новые явления. Ну как, скажи, не писать о детях, на которых зарабатывают вокзалы и притоны? А органы ребятишек, которые везут за границу для каких-нибудь операций по пересадке? Как об этом

Хорошо, что пишется. Что есть душа, которая болит чужой своей болью:

Мне не снятся розовые сны -

В звезды мне высокие не верить.

Я из тех, которые должны

По-земному жизнь отканилеть.

И все же в этой канители Константин Рассадин умеет быть удивительно распевным и чистым, лиричным, влюбленным в «журавлиные стаи октября» и в «яблони, у мира на краю», и в родное окошко на самом краю собственной строки:

Я замру у родного окна,

В голове моей - светлая строчка.

Размечтавшись во сне, спит жена,

Ну а рядом - естественно, дочка.

ЧЕМ БОЛЕЕТ ДЕРЖАВА?

Но все же Костя неробко признает свое сегодняшнее отечество «смертельно больным». Заразные болезни отчизны так и тревожат его стихи:

Кушетка с подстилкой на вате,

Сквозняк коридорный и мат...

А рядом, в отдельной палате

Народный лежит депутат.

А рядом, в больничной палате,

Сестрички заливиный смех...

И очень за окнами кстати

Капелью прострелянный снег.

Старик на кушетке в насаде

Закашлялся памятным сном:

Привиделся снег в Сталинграде.

Дымящийся. В горок втором!

Поэтам и старикам отдельные палаты не положены. Вот отчего Рассадин настойчиво учит молодых писателей

отчужденность наиболее остро берет душу. Она даже вызывает страх. Надо писать о болевых точках, о новых производственных отношениях, о том, чем живут молодые люди в сегодняшнем Тольятти, в современной России».

Он пишет об этом всегда. И, к счастью, огромная Россия и родная ему Волга, и высокая Москва слышат и готовы слушать писателя, который живет, любит, болеет душой, взрослеет и все же остается в своих мудрых, простецких, очень взрослых стихах тем самым мальчиком из-под библиотечного ареста, который готов разорвать свою скомканную душу за Россию. А его лирический герой стоит в предбаннике у мэра:

За Бога, за Отечество. За веру!

Всем супостатам злостным супротив

Я замер призраком в предбаннике у мэра

В себе три слова этих воплотив.

Я, как солдат, сюда прибывший с марша,

Пропавший порохом: и тягостен, и хмур.

По телефонам злая секретарша

Кровавый расплескала маникюр.

Мне наплевать на верткую шишигу,

Облитуго зловонием духом.

Я здесь торчу с прошением на книгу

При жизни мной написанных стихов.

Мои стихи о здешнем мире страждут,

Моей судьбой схороненной слеза.

Я знаю: мне сегодня не откажут:

Живому - можно, мертвому — нельзя.